

ние в ту и другую сторону было самим автором «Непостоянной фортуны» ориентировано главным образом, если даже не исключительно, на отношения между европейскими государствами в его время. Двусмысленность создают многочисленные «осколки» исходного материала, оставленные «не подогнанными» к новому контексту. Было ли это следствием просчетов и небрежности компилятора или его сознательным приемом для создания эффекта романического вымысла, станет возможным ответить лишь, наверное, после того, как будут установлены другие источники этого произведения и выяснится, в каком виде они в нем отразились.

Отзвуки сочинений Боккалини присутствуют не только в рассказе Феридата об Италии. Сосредоточены они также на тех страницах третьей части романа, где повествуется о пребывании Мирамонда в Нисафе, столичном городе владетеля Рафанского по имени Фетах, который «того же самого дня» по его к нему прибытии «велел собрать полной совет и, в оном сам заседаая, объявил Мирамонда своим наследником», а «народ (...) весьма тому обрадовался, что так великой герой со временем ими правительствовать будет» (НФ 3, 154). Следуя привычному жанровому клише, Эмин заставляет своего главного персонажа выслушать долгий, обстоятельный рассказ введенного в роман нового лица о выпавших на его долю приключениях, а затем отправляет в ознакомительную экскурсию по дворцу. Мирамонд осматривает зал, который «преизрядными был украшен картинами, у самой природы живность отнимающими» (НФ 3, 170), а оттуда идет в королевскую библиотеку, где, к своему удивлению, обнаруживает лишь «одну книжечку, в золото оправленную». «Нетерпеливостью побужден, спросил у министра: не ужли то в здешнем государстве более книг не находится? На то ответствовал министр: у нас, ваше высочество, разумные книги в гражданской академии хранятся и тем только читать даются, кому надлежит; а в государеву библиотеку одна только уставов законных и гражданских положена, с тем намерением, дабы чиновные люди, которым в высоких науках большой нужды нет, кроме подражания государским установлениям, часто оную читали и по правилам, в оной изображенным, поступали» (НФ 3, 175—176).

В нескольких разделах этой «книжечки», которых в ней содержится одиннадцать, обнаруживаются четкие следы внимательного чтения политических сочинений Боккалини. Главным из них были «Комментарии» к «Анналам» и «Истории» Корнелия Тацита, занявшие в собрании трудов Боккалини¹⁸ два из трех томов. Обращение к ним Эмина подтверждается текстуальной близостью ряда фрагментов.

¹⁸ См. сноску 5.